

**Треугольник «Россия-Турция-Иран» и
перспективы трансформации Большого Ближнего Востока
Ситуационный анализ**

2 марта 2017 г. состоялось заседание Группы ситуационного анализа ИНИОН РАН, посвященное теме «Треугольник “Россия–Турция–Иран” и перспективы трансформации Большого Ближнего Востока». В ситуационном анализе приняли участие д.и.н. И.В. Зайцев, д.полит.н. Д.В. Ефременко, к.и.н. Т.Г. Пархалина, д.полит.н. Ю.Г. Коргунюк, д.э.н. С.Н. Смирнов, заместитель директора, руководитель Центра Азии и Ближнего Востока Российского института стратегических исследований к.филол.н. А.В. Глазова, д.полит.н. Е. Ю. Мелешкина, к.и.н. О.Н. Новикова, к.полит.н. И.В. Кудряшова, к.соц.н. А.М. Понамарева, к.полит.н. Ф.О. Трунов, к.соц.н. А.Ю. Долгов. Модератором дискуссии выступил заместитель директора по научной работе ИНИОН РАН, д.полит.н. Д.В. Ефременко.

На протяжении последних полутора лет динамика вооруженного конфликта в Сирии и – шире – в регионе Большого Ближнего Востока претерпела радикальные изменения в результате проведения операции Военно-космических сил России, направленной на поддержку правительственных войск. К концу лета 2016 г. начал складываться новый, трехсторонний формат взаимодействия между Россией, Турцией и Ираном, основной задачей которого стало согласование позиций сторон по вопросам урегулирования сирийского конфликта и координации усилий по борьбе с запрещенной в России террористической группировкой «Исламское государство» / ИГ(ИЛ). В условиях снижения активности США на сирийском треке, во многом обусловленном предвыборной ситуацией и неожиданной победой Д. Трампа, треугольник «Россия – Турция – Иран» перешел из разряда гипотез в политическую реальность, а результатом скоординированной работы его участников стало начало переговорного процесса в Астане, дополняющего Женевские переговоры. В контексте взаимодействия между Россией, Турцией и Ираном следует рассматривать и успешное завершение операции правительственных войск САР (при поддержке России и Ирана) по вытеснению из Алеппо вооруженных формирований антиасадовской оппозиции, и вытеснение формирований ИГ(ИЛ) из г. Эль-Баб силами Свободной сирийской Армии, опирающейся на поддержку Анкары. За исключением усилий, направленных на полный разгром ИГ(ИЛ), интенсивность вооруженного противостояния в Сирии значительно снизилась.

Столь эффективное сотрудничество между Россией, Турцией и Ираном может показаться беспрецедентным. Но сама идея такого сотрудничества отнюдь не нова. Так,

Исмаил Гаспринский – выдающийся крымско-татарский интеллектуал, просветитель и идеолог джадидизма – еще в 1896 г. написал работу «Русско-восточное соглашение», где выдвинул идею позитивного и взаимовыгодного сближения России как с Турцией, так и с Персией. Исмаил-бей весьма критичен насчет целей Запада: «Действуя то против России, то против мусульман, европейцы в том и другом случае извлекают выгоду и идут вперед... Если же посмотреть, с какой бессердечностью Европа угнетает весь Восток экономически, делаясь зверем каждый раз, когда дело коснется пенса, сантима или пфеннига, то становится очевидным, что Востоку нечего ждать добра от Запада». Гаспринский предлагал достичь мирного соглашения с Османской империей и Персией о создании российских военно-морских баз на Средиземном море и «где-то вблизи» Индийского океана. Для Турции и Персии, по мнению Исмаил-бея, такое соглашение дало бы возможность «спокойнее заняться внутренним возрождением, перенимая формы не с Запада, а из России, как из страны, более близкой им по цивилизации и складу народной жизни».

Спустя 120 лет основой для формирования треугольника «Россия – Турция – Иран» стало временное сближение разнонаправленных интересов каждой из трех стран, обусловленное совокупностью внутренних и внешних факторов. Однако устойчивость этой конфигурации в среднесрочной и долгосрочной перспективе далеко не гарантирована. Даже частичное изменение комбинации факторов и условий, способствовавших сближению Москвы, Тегерана и Анкары, может сначала подрвать эффективность трехстороннего взаимодействия, а затем и вовсе разрушить «треугольник».

Вместе с тем ряд важных обстоятельств пока «работают» на сохранение трехстороннего формата, и возможны сценарии, при которых «треугольник» сохранится надолго или трансформируется в фигуру с большим количеством сторон и вершин. Основой для этого может стать общая заинтересованность России, Турции и Ирана в сохранении формального территориального единства Сирии. Россия сейчас имеет возможность обеспечить свои интересы в регионе и в условиях передела государственных границ, но, тем не менее, сохранение формальной территориальной целостности Сирии является предпочтительным. Судя по всему, Турция при определенных условиях все же сможет принять расклад, при котором у власти в Дамаске на достаточно продолжительное время останется режим Башара Асада. *Conditio sine qua non* для Анкары – предотвратить появление единого курдского территориально-политического образования на территории Сирии (тем более – его отделения от Сирии), который неизбежно начнет оказывать дестабилизирующее воздействие и на турецкий Курдистан. Одновременно для Турции

чрезвычайно важно не допустить закрепления военного присутствия Ирана и военизированных шиитских формирований на сирийской территории. В последнем интересы Турции полностью совпадают и с израильскими интересами. Для Ирана, в свою очередь, исключительно важно сохранить единую Сирию, в которой (по крайней мере, в ключевых мухафазах) лидирующую роль в политике, экономике и вопросах безопасности по-прежнему будут играть алавиты. Тегеран также отнюдь не жаждет видеть мощную курдскую автономию. Общим знаменателем здесь может стать существенное и долгосрочное военное присутствие в Сирии России, более приемлемое для Турции и Израиля, чем иранское. Соответственно, только российское присутствие позволит обеспечить приемлемые для Ирана формат политического устройства и соотношение сил в Сирии, если под давлением других игроков (включая США и ЕС) ему придется отказаться от присутствия в Сирии собственных формирований и отрядов «Хезболлы». Наконец, только у Москвы нет экзистенциальных оснований опасаться усиления курдов, и, следовательно, именно ей проще других участникам треугольника взаимодействовать с Рожавой (Сирийский Курдистан).

Сценарий распада «треугольника» с высокой степенью вероятности приведет к тому, что после военного разгрома ИГ(ИЛ) вооруженная конфронтация в Сирии возобновится с новой силой. Добровольный или вынужденный какими-либо чрезвычайными обстоятельствами уход России из Сирии означал бы, что вакуум силы постараются заполнить США, Турция, страны Залива с одной стороны и Иран – с другой. Негативные последствия для всего Большого Ближнего Востока не заставят себя ждать. Иначе говоря, момент, когда Москве можно было ориентироваться на разработку и реализацию «стратегии выхода», похоже, остался в прошлом. Гарантировать мирное урегулирование сирийского конфликта или, по крайней мере, обеспечить достаточно устойчивое перемирие теперь практически невозможно без существенного военного присутствия России.

Это присутствие – всерьез и надолго. Его обеспечение потребует привлечения солидных ресурсов. Очевидно, что России необходимо уравновесить затрату этих ресурсов получением серьезных экономических преференций как в самой Сирии, так и в других частях Большого Ближнего Востока. Политические и военно-стратегические успехи нужно конвертировать в экономические дивиденды. Сохранение в том или ином виде трехстороннего российско-ирано-турецкого партнерства вполне отвечает этим задачам. Одновременно России необходимо интенсифицировать диалог и укреплять партнерские отношения с ведущими арабскими государствами.

Единство территории Сирии (как, впрочем, и Ирака) в значительной мере будет формальным. Весьма вероятно, что та или иная форма контроля Турции либо лояльных Анкаре антиасадовских сил сохранится над рядом районов на севере страны. В результате Рожавка не сможет превратиться в образование с единой территорией. Вместе с тем полного разгрома сирийских курдов не допустят ни Москва, ни Вашингтон, для которых курды служат важным фактором равновесия. К тому же именно подконтрольные курдам территории Сирии по всей видимости останутся основным форпостом американского присутствия в этой стране.

Иран в Сирии стоит перед серьезной дилеммой. В Тегеране, разумеется, хотели бы закрепления нынешней конфигурации, при которой иранское влияние в той или иной мере распространяется на Ирак, Сирию, Ливан и Йемен. Естественно, там были бы не прочь увидеть дальнейшее усиление позиций последователей шиитской ветви ислама на Аравийском полуострове, основным препятствием чему служит монархия Саудитов. Но в то же время острой проблемой становится перенапряжение сил, необходимое для достижения этих целей. Если несмотря ни на что Тегеран будет делать ставку на сохранение и даже расширение военного присутствия в Сирии (включая создание военно-морских баз на средиземноморском побережье), то в конечном итоге он может оказаться в опасной изоляции. «Треугольник» при этом едва ли сохранится. Альтернатива – получение гарантий политического влияния в Дамаске при одновременном выводе сил Корпуса стражей исламской революции, других вооруженных подразделений и отрядов «Хезболлы» с территории Сирии. В последнем случае «треугольник» оказывается просто незаменимым.

Таким образом, в контексте сирийского кризиса пока больше оснований для сохранения треугольника «Россия – Турция – Иран». Дефицит взаимного доверия между Москвой, Анкарой и Тегераном может быть компенсирован при условии, что каждая из сторон предпочтет стратегию, обеспечивающую всем трем участникам позитивный баланс выигранных / потерь при сведении сопутствующих рисков к приемлемому уровню.

Проблема в том, что устойчивость этой конструкции зависит не только от динамики сирийского конфликта. Правда, сейчас все три страны имеют достаточно сложные отношения с Западом, и в этом смысле идеи Исмаила Гаспринского как будто обретают новую жизнь. В определенных обстоятельствах можно ожидать, что отдельные элементы этого дискурса будут воспроизведены в современной политической риторике. Но все-таки сплочение России, Турции и Ирана будет в основном происходить не на

почве антизападных сантиментов, а возможное разобшение – не в силу внезапно пробудившейся у кого-либо из них любви к ценностям «свободного мира».

«Возвращение» США в регион, вероятно, будет ознаменовано усилиями по завершению военного разгрома ИГ(ИЛ) в Ираке и Сирии. Одновременно администрация Д. Трампа будет делать ставку на «отбрасывание» и изоляцию Ирана. Последнее, однако, потребует привлечения серьезных ресурсов и с высокой степенью вероятности приведет к новой дестабилизации в регионе. Для треугольника «Россия – Турция – Иран» давление Вашингтона станет серьезным испытанием. Наиболее податливой такому давлению может оказаться Анкара. Если это давление вступит в резонанс с внутренними изменениями, сопровождающими становление персоналистского режима Реджепа Тайипа Эрдогана, то пересмотр позиции Турции приведет к распаду «треугольника». Вместе с тем для Турции издержки разрушения «треугольника» могут быть весьма серьезными. Поэтому ожидать быстрой перегруппировки ведущих игроков на Большом Ближнем Востоке только в силу изменения подходов американской администрации было бы преждевременно.

Наконец, есть важная тенденция, благоприятствующая сохранению российско-турецко-иранского треугольника. Речь идет о реформатировании геоэкономического и геополитического ландшафта Большой Евразии. Этот процесс связан с сопряжением развития Евразийского экономического союза и китайского проекта Экономического пояса шелкового пути, расширением Шанхайской организации сотрудничества, выстраиванием в континентальном масштабе транспортно-логистических цепочек и коридоров развития в широтном и меридианальном направлениях. Треугольник «Россия – Турция – Иран» способен стать опорой этого процесса на Большом Ближнем Востоке.

В целом, в интересах России продолжение сотрудничества в формате «треугольника». Вместе с тем необходимо быть готовым и к его возможному распаду, к выстраиванию конструктивных отношений с Турцией и Ираном в двустороннем формате.

Информация о Междисциплинарной группе ситуационного анализа ИНИОН РАН - <http://inion.ru/swot>